

С. А. Мишина, Морфологические способы выражения и семантические функции субъекта в мордовских (эрзянском и мокшанском) и финском языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 2006.

Защита диссертации С. А. Мишиной состоялась 26 мая 2006 года на заседании диссертационного совета Д 212.177.09 при Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарева. Научный руководитель — доктор филологических наук профессор М. В. Мосин. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук Н. Г. Зайцева и кандидат филологических наук доцент Н. И. Рузанкин.

Субъект, как один из главных членов предложения, является важной частью финно-угорского синтаксиса. Знания о нем представляют ценный материал при сравнительном изучении синтаксиса родственных языков. Следует подчеркнуть, что среди исследований финно-угорского синтаксиса нет работ, посвященных сравнительному изучению субъекта в мордовских и финском языках. Рецензируемый труд представляет собой первое специальное исследование в сравнительном плане субъекта в мордовских и финском языках, поэтому рассматриваемая тема весьма актуальна.

Целью работы было выявление морфологических способов выражения субъекта и его семантических функций в мордовских и финском языках. Для достижения этой цели автор предполагает решить следующие задачи: а) выявить морфологические способы выражения субъекта и б) рассмотреть семантические функции субъекта в мордовских и финском языках. Новизна исследования состоит в том, что это первая попытка описания морфологических способов и семантических функций субъекта в мордовских и финском языках.

Работа состоит из предисловия, трех глав, заключения и списка использованной литературы. В предисловии обосновывается выбор темы, излагаются цель и задачи исследования, отмечают-

ся научная новизна, практическая значимость и методы исследования.

Первая глава «История изучения вопроса» содержит анализ изученности проблемы субъекта в мордовских и финском языках. Автор справедливо замечает, что «признание многоаспектности предложения — одна из основных черт современного синтаксиса. В русле общего процесса семантизации лингвистических исследований все больше внимания уделяется семантике синтаксических единиц. Общий курс на семантизацию синтаксического анализа, вызвавший особый интерес к номинативному аспекту предложения, привел к переориентации синтаксических исследований, одной из основных задач которых стало изучение взаимоотношения синтаксической структуры предложения и его семантической организации» (с. 9).

С. А. Мишина правомерно отмечает, что состав семантических функций существенно различается в концепциях разных авторов. Одни выделяют и описывают такие семантические функции, которые не выделяются другими. Не все факты языка одинаково толкуются лингвистами (с. 18).

В этой главе весьма подробно изложены лингвистические взгляды российских и финских ученых на проблему, связанную с субъектом-подлежащим. Следует все же отметить, что автор, к сожалению, не высказывает свое отношение к разного рода определениям подлежащего и субъекта, к проблеме выражения субъекта-подлежащего.

Во второй главе подробно анализируются морфологические способы выражения субъекта в мордовских и финском языках. В разделе «Падежи субъекта в мордовских и финском языках» отмечено, что в мордовских языках субъект может иметь форму генитива, если в его роли выступают слова,

обозначающие имена, фамилии, прозвища и клички людей. Генитивный субъект имеет форму основного склонения единственного числа: эрз. *Нефёдовонь лиссть паксяв* (разг.) 'Семья Нефедовых вышла в поле'; эрз. *Течи Сармаень уштсть баня* (разг.) 'Сегодня Сарманы истопили баню' и т.д. (с. 34). Эти примеры даются как разговорные, следовательно, надо было оговорить, что все же генитивный субъект в отличие от финского языка употребляется редко и только в разговорно-бытовом стиле. Автор отмечает, что генитивный субъект в финском языке существенно отличается от такового в мордовских. В финском субъект и производитель действия совпадают и имеют форму генитива, в мордовских языках в соответствующих конструкциях производитель действия выступает в дативе, а субъект является инфинитивом: *Миненек а эряви миемс кудонтъ*; мокш. *Минденек аф эряви мишендемс кудтъ* 'Нам не нужно продавать дом' (с. 36—37). Но в этих предложениях отрицание с инфинитивом *а эряви миемс / аф эряви мишендемс* выступает в качестве предикатива, а не субъекта.

Очень подробно отражено в разделе выражение субъекта с помощью существительных. По утверждению автора, в функции субъекта в мордовских и финском языках употребляются собственные, нарицательные, одушевленные, неодушевленные существительные. Как собственные существительные выступают личные имена, фамилии, отчества, прозвища, клички животных, географические и астрономические названия, названия исторических событий, эпох, учреждений, организаций, газет и т.д. (с. 43). Однако примеры на названия исторических событий, эпох, учреждений, газет в роли субъекта не приводятся.

С. А. Мишина отмечает, что в качестве субъекта в мордовских и финском языках используются и сложные существительные, в мордовских языках к ним относятся двухкомпонентные лексические единицы со слитным написанием: *ведьгев* 'мельница', *ават-тей-терть/тядят-стрихть* 'мать с дочерью',

ярсамопель/ярхциамбяль 'еда' и др. (с. 48). Однако *ярсамопель/ярхциамбяль* не является сложным словом, компонент *пель/бяль* — это суффиксоид, как и в *вачочи вачаши* 'голод' (с. 48). Чаше всего в функции субъекта в мордовских и финском языках выступают сложные существительные с компонентами — разными частями речи. Однако в предложении *Синь ардсть ульця кувалма, а валмаса шаматне шарсть мельгасть, кода ки крайге панжи шиньжарамотне* 'Они ехали вдоль улицы, а лица в окнах смотрели за ними, как подсолнечники, растущие вдоль дороги' (с. 50—51) сложное существительное *шиньжарамотне* 'подсолнечники' не является субъектом. Выражение *кода ки крайге панжи шиньжарамотне* 'как подсолнечники, растущие вдоль дороги' представляет собой сравнительный оборот, а не субъект в форме генитива.

Автор предлагает весьма подробный и полный анализ сложных существительных сочинительного типа в роли субъекта, а также рассматривает случаи выражения субъекта с помощью местоимений и субстантивированных частей речи. В этих разделах теоретическая часть подтверждается убедительными примерами.

В разделе «Выражение субъекта инфинитивом» автор анализирует предложения, в которых в роли субъекта в мордовских и финском языках выступает инфинитив. Она утверждает, что такой субъект имеет самую обширную семантику, так как несет в себе черты и глагола и существительного. Он имеет синтаксическую нагрузку субъекта без субстантивации (с. 89). По мнению С. А. Мишиной, «в мордовских языках инфинитивный субъект возможен в предложениях с глаголами *эряви* 'нужно', *сави* 'придется', употребленными в форме 3-го лица единственного числа, а также заимствованными из русского языка словами *можна* 'можно' и *нельзя* 'нельзя', выступающими в качестве предиката» (с. 89). Но в ряде примеров инфинитив не выполняет функции субъекта: эрз. *Ней тыненк трудямс эряви* 'Теперь вам трудиться нужно'; *Яхимень тетянстэнь-*

аванстэнь можналь кортамс урвань чиямодо 'Родителям Яхима можно было говорить о сватовстве'; мокш. *тейть эряволь тумс* 'тебе надо было уйти' (с. 89—90). Здесь инфинитив выступает в роли предикатива, это безличные предложения.

В разделе «Выражение субъекта словосочетанием» верно указывается, что в мордовских и финском языках в роли субъекта выступают лишь несвободные или цельные словосочетания, выполняющие в предложении функцию одного члена. Так, главное слово без зависимого не имеет достаточной семантической полноты (с. 969). В этом разделе рассматриваются и сочетания числительного с существительным (словосочетания с количественным значением). На наш взгляд, их не следует относить синтаксически к неделимым словосочетаниям. Например, в предложении *Сестэ вейке калось зняронь сталмсоля* 'Тогда одна рыба была такого веса' (с. 96) можно легко вставить и другие количественные числительные, поэтому числительное выступает здесь в качестве определения, а не субъекта.

Третья глава «Семантическая функция субъекта в мордовских и финском языках» посвящена анализу сходства и различий между семантическими функциями субъекта в исследуемых языках. Следует заметить, что в мордовских языках до настоящего времени семантические функции субъекта не изучались с точки зрения современных концепций. В основном внимание обращалось на средства выражения субъекта, поэтому данная глава свидетельствует о веяниях в мордовском языкознании.

В разделе «Основные семантические функции субъекта в мордовских и финском языках» отмечается, что чаще всего субъект является активным одушевленным производителем действия, т.е. агентивом (с. 111). «Агентив — это инициатор действия, контролирующий его, способный по своей воле начать его и прекратить. Агентив совершает действие осознанно, специально, о к з ы в а я в л и я н и е на другой объект. Он контролирует произведение действия, т.е.

его выполнение каузально зависит от агента или производителя. Данная функция реализуется с помощью «дейтельных» глаголов, т.е. глаголов действия и движения» (с. 111—112). Однако некоторые примеры вызывают сомнения относительно данной функции агентива: эрз. *Владыкась сюрордынзе турванзо ды чатьмонезь сыгрась седе тов* 'Владыка сжал губы и молча направился дальше' (с. 112). Здесь отсутствуют осознанные действия и влияние на другой объект.

По мнению С. А. Мишиной, субъект имеет функцию экспериенсива и от агентива его отличает менее активное действие, чаще неосознанное, вызываемое посторонним раздражителем; это действие не оказывает влияния на другой объект, только на самого себя. Данная функция чаще встречается при ментальных глаголах (с. 113). Приведенные примеры в основном раскрывают функцию агентива, но некоторые не соответствуют этой функции: эрз. *Тетьась истя кежейгадсь од нинть лангс — цийница пинекс кудыкелев вырновтызе* 'Отец так разозлился на новую жену — как скалящую собачонку выкинул в коридор' (с. 115). Здесь действие отца осознанно влияет на другой объект (жену).

Весьма интересен и нов раздел «Субъект в конструкциях речи чувственного восприятия в мордовских языках и его эквиваленты в финском языке». Как верно замечает автор, «в конструкциях чувственного восприятия мордовских языков субъектом является наименование ощущения, чувственного восприятия, которое приписывается одушевленному существу, их испытывающему. Он мыслится пассивным обладателем приписываемого ему признака» (с. 129). Наименование же ощущения, чувственного восприятия или же название какой-либо части тела, испытывающего эти чувства, в данных конструкциях является субъектом по всем грамматическим признакам. А лицо, испытывающее данные переживания — это логический субъект, всегда выступающий в качестве экспериенсива, пассивно воспринимающего воздействия извне. Все приведенные примеры соответствуют

изложенной логической последовательности.

Обобщения и выводы автора изложены в заключении.

Работа С. А. Мишиной имеет как теоретическое, так и практическое значение: будучи первым опытом анализа морфологических способов выражения и семантических функций субъекта в

мордовских и финском языках, она дает возможность более целенаправленно продолжить научные исследования по данной проблематике. Результаты исследования могут быть использованы при создании учебной и учебно-методической литературы, связанной с вопросами синтаксиса, для общеобразовательных школ и вузов.

Н. И. РУЗАНКИН (Саранск)